

ПРОЛОГ

Красноярск, сентябрь 1963 года

У разрушенной стены храма, за которой когда-то располагался алтарь, работал старенький экскаватор — таскал из ямы каменистую землю и кидал в сторону. Когда ковш в очередной раз опустился, раздался негромкий скрежет.

Экскаваторщик выскочил из кабины и заглянул в яму. Подошли еще несколько человек. Кто-то спросил:

— Что там?

— Только бы не труба... — забеспокоился экскаваторщик.

Пожилой рабочий в твидовой кепке присел у самого края.

— Не-е-е... Крышка какая-то. — Он обернулся и сказал парню в стройотрядовской куртке: — Ну-ка, студент, глянь, что там.

Парень спрыгнул в траншею, топнул по крышке, поднял голову и доложил:

— Железная!

К нему спустился рабочий с лопатой и, ни слова не говоря, стал копать. В траншею сбросили ломик. Один за другим туда слезли еще трое парней.

Минут через двадцать всем стало ясно, что на дне ямы лежит большой металлический ящик. Его подцепили стропами и вытащили ковшом на поверхность.

Рабочий в кепке сказал:

— Кажись, ты его клыком зацепил.

Экскаваторщик присел возле ящика. Сквозь рваный металл виднелось лакированное дерево. Поднявшись на ноги, он побледнел:

— Кажись, там внутри гроб...

Его сразу оттеснили любопытствующие. Между завальцованными жестяными листами вклинилось лезвие топора. Крышка слетела, под ней действительно оказался дубовый лакированный гроб.

— Надо бы милицию вызвать... — пожилой рабочий снял кепку и почесал в затылке.

Вперед вышла женщина лет сорока.

— При чем здесь милиция? Гроб дореволюционный, буржуинский. Нужно в крайком сообщить. — Она похлопала по спине стройотрядовца, который откапывал ящик: — Валера, беги к телефону-автомату. Звони в справочное. Узнаешь номер крайкома — туда сообщи. Все расскажешь — пусть решают, кого поставить в известность. У тебя есть двухкопеечные? — не дожидаясь, пока тот отыщет монетки, протянула ему две.

Валера взял деньги и убежал.

— А вы кто такая? — спросил экскаваторщик.

— Я куратор студенческой группы из пединститута. Мы ваши шефы. Грузим битый кирпич.

Рабочий кивнул на руины:

— Красивая церковь была. Зачем только сломали...

— Мы наш, мы новый мир построим... — убедительно заявила кураторша.

— Кто был ничем, тот станет всем! — закончил за нее какой-то студент.

Взгляды снова устремились на гроб.

— Может, откроем? — предложил тот, что был с топором, и, не дожидаясь ничего разрешения, сунул лезвие в щель, нажал и без усилия откинул деревянную крышку.

Все, кто стоял рядом, не сговариваясь, отпрянули.

В гробу лежал светловолосый мужчина. Яркий луч сентябрьского солнца заиграл на золоченом мундире и красной муаровой

ленте, что тянулась от левого плеча через всю его грудь. Высокий воротник упирался в белое худое лицо.

Кто-то прошептал:

— Будто вчера помер...

Один из тех, кто копал, объяснил:

— Лежал глубоко. Там, в траншее, — ледник.

Кураторша сорвала со своей шеи платок и накинула его на лицо мертвого офицера. Пожилой рабочий снял кепку, склонил голову и с почтением приблизился к гробу. Вслед за ним ближе подошли остальные. Все увидели шпагу, лежавшую возле мертвого тела, у шеи, на черной шелковой ленте — крест, на правой стороне груди — тусклый металлический восьмигранник, напоминавший звезду.

Расталкивая народ, примчался Валерка:

— Едут!

На строительную площадку уже прибыл грузовик, из него посыпались деловитые сотрудники милиции.

— Граждане! Разойдемся!

Скоро они оттеснили рабочих. Грузовик сдал назад. Крышку гроба закрыли, а сам гроб подняли в кузов. Туда же влезли все блюстители правопорядка. Автомобиль тронулся.

Валерка сорвался с места и зацепился за борт. Опасаясь, что студент окажется под колесами, его подхватили и втащили наверх.

Грузовик набрал скорость и тут же скрылся из виду.

ГЛАВА 1

Москва, наши дни

Рука, поросшая рыжими волосками, уверенно легла на анкетный лист. Дайнека вздрогнула и дописала начатое слово на пальце менеджера по персоналу. Поморщившись, мужчина достал платок и принялся демонстративно стирать чернила.

— Простите, — сказала Дайнека.

— Пустяки, — ответил менеджер, забрал анкету и вернулся к столу.

В тишине кабинета скрипнуло кресло.

Дайнека сидела у конторки для посетителей. Над ней опасно громоздился шкаф, заставленный тяжелыми папками. В комнате было много таких шкафов. Представив, что в них хранятся тысячи бесполезных бумаг, Дайнека почувствовала неодолимую скуку, верный признак несовместимости с окружающей обстановкой.

Наткнувшись на пристальный взгляд менеджера, она быстрым движением поправила юбку и села подчеркнуто прямо.

— Послушайте, я могу пойти вам навстречу, — заговорил он и, посмотрев на часы, многозначительно улыбнулся. — У меня скоро обед, и есть ключи от комнаты отдыха. Думаю, мы сумеем договориться.

«Гад», — подумала Дайнека и молча встала со стула.

За дверью ждала вторая претендентка на место стажера рекламного агентства. Испугавшись угрюмой решительности, с которой Дайнека вышла из кабинета, она отступила в сторону и немного замешкалась, прежде чем решилась войти.

У менеджера по персоналу оставался еще один шанс быть понятым.

Оказавшись на улице, Дайнека почувствовала себя так, словно только что выписалась из больницы. Прямо с крыльца неловко ступила в лужу, зачерпнула воды в ботинок, однако вместо досады ее охватила беспричинная радость.

Снег растаял, и в середине апреля в Москву наконец-то пришла весна. Веселый шум заполнил город, погода стояла ясная, и, глядя в пронзительную синеву неба, невозможно было не поддаться ожиданию каких-то сумасшедших перемен в жизни.

Хлюпя ботинком, Дайнека перебежала через дорогу и села в машину, но тронуться не успела — зазвонил телефон:

— Слушаю, папа.

— Ну как?

— Никак.

— Не взяли? — спросил отец.

— Сама не пошла.

— Не понимаю. Пожалуйста, объясни.

— Условия неподходящие.

— У нас в холдинге прекрасный отдел рекламы. Давай к нам.

Какая разница, где проходить практику?

— Папа, ты забываешь, сколько мне лет.

Отец вздохнул:

— Ну, делай как знаешь. Во всяком случае, имей в виду.

— Буду иметь, — пообещала Дайнека.

После недолгой паузы отец снова спросил:

— Как твои дела?

— В плане личного? — уточнила она.

— В плане личного, и вообще.

— Без изменений.

— Понятно.

— А ты как? — спросила Дайнека и торопливо добавила: — Как

Настя?

- Настя в Париже.
- Ясно, — больше говорить было не о чем.
- Звони, я за тебя очень волнуюсь.
- Хорошо, папа. — Дайнека нажала кнопку отбоя.

Оглянулась: позади — никого. Сдала немного назад, уселась поудобней, вывернула руль и нажала педаль газа. Вопреки ожиданиям, машина рванулась не вперед, а назад. Раздался глухой звук, Дайнеку трянуло, и в грудь больно уперся руль. Резко затормозив, она пригнулась и замерла.

Вокруг было тихо.

— Теперь, как порядочная девушка, вы просто обязаны со мной познакомиться, — в открытую дверь на нее смотрел молодой мужчина.

— Я не слишком повредила вашу машину? — смущенно спросила Дайнека. — Вы целы?

— Сражен наповал.

— Господи... — прошептала она.

— Вы не поняли. Я в порядке. Меня зовут Виктор.

— Дайнека, то есть Людмила... Первый раз вижу такого веселого потерпевшего.

— И все-таки: Людмила или Дайнека?

— Без разницы...

— Я вас еще в рекламном агентстве приметил. А вы даже не посмотрели в мою сторону. Вас кто-то обидел?

— Не стоит об этом. Вы точно в порядке? Может, в больницу?

— Это лишнее. Я неуязвим.

— Я что-нибудь могу для вас сделать?

— Подвезти. Здесь близко.

— Садитесь.

— Подождите, только возьму пальто.

Дайнека оглянулась на его дорогую машину, переднее крыло было смято.

— Я возмещу.

— Непременно, — пообещал Виктор, и она сникла.

Пришлось задуматься над тем, что он имел в виду.

Ехать было недалеко. Дайнека еще раз предложила заплатить за ремонт, но мужчина отказался. Они провели в дороге всего десять минут и расстались, даже не обменявшись телефонами.

Промокшая обувь омрачила весеннюю эйфорию, простуда была неизбежна. Дайнека заторопилась домой и уже в подъезде ощутила легкий озноб, навевающий мечты о теплой постели. По инерции открыла почтовый ящик и в ворохе рекламных листовок обнаружила простую открытку — кусочек картона с нарисованным букетом цветов.

«С днем рождения!» — гласила золоченая надпись, запутавшаяся в фиалковых лепестках.

Дайнека стояла у почтового ящика и от волнения не разбирала слов, выведенных знакомым почерком. Точнее, видела только одну фразу: «Дорогая доченька...»

С почтового штемпеля кричало желанное слово — «Красноярск».

Взбежав по лестнице, она открыла дверь и, не разуваясь, прошла в гостиную. Там на диване преспокойно лежал пес Тишотка. Застигнутый врасплох, он смущенно тараторил на хозяйку, не понимая, откуда она взялась. Потом спрыгнул на пол и улегся поодаль, виновато постукивая хвостом.

Дайнека даже не посмотрела в его сторону. Десять лет она ждала этого мгновенья. И оно пришло, когда уже не оставалось надежды, когда совсем поверилось, что мамы у нее больше нет. Повзрослев, она научилась с этим мириться.

До дня рождения оставалось еще две недели, и тот факт, что открытку доставили раньше времени, растревожил Дайнеку.

Предчувствие подтвердилось: с мамой стряслась беда. Еще не дочитав до конца, Дайнека поняла, что по-прежнему любит ее и

прощает все: измену, долгие годы молчания, их с отцом бегство в Москву. Прощает все¹...

Ей припомнился тот день рождения, когда рано утром, перед работой, мама поздравила ее в последний раз, и девочка повернулась на другой бок и заснула, обнимая подаренную куклу.

«Преспала свое счастье...»

С этой болью невозможно было смириться. Потом ее поздравлял только отец, и в такие минуты они особенно остро ощущали свое сиротство. Дайнека не любила свои дни рождения.

Дочитав открытку, она позвонила отцу.

Вячеслав Алексеевич приехал немедленно. Не сразу поверив, что мама действительно дала о себе знать, долго перечитывал слова на открытке, потом быстро спросил:

— Есть закурить? — и при этом он рассеянно похлопал себя по карману.

Дайнеке стало не по себе, она знала, что отец не курит, и все же принесла ему сигарету и зажигалку. Отчаянно затянувшись, он выдохнул вместе с дымом:

— Кто-то должен ехать. Лучше, если ты.

Дайнека молча кивнула. Он тут же засомневался:

— Хотя как же твоя практика...

— Разберусь.

Возможность увидеть маму была важнее всего.

— Значит, едешь?

— Папа... — укоризненно прошептала Дайнека.

— Прости. Собирайся, а я — за билетом.

Дверь захлопнулась, и Дайнека осталась одна. Бесцельно прошлась по комнатам. На кухне увидела Тишотку, смиренно сидящего возле своей миски.

— О тебе-то я и забыла...

¹ Читайте об этом в романе А. Князевой «Сейф за картиной Коровина», издательство «ЭКСМО».

Дайнека отрезала кусок колбасы. Схватив угощенье, Тишотка выбежал в прихожую и расположился на коврик. Он понял: сегодня можно делать все, что захочешь, и не услышать ни слова упрека. Такая жизнь ему была определенно по вкусу.

Вернувшись в гостиную, Дайнека посмотрела в окно: небо затянули свинцово-черные тучи. Крупные тяжелые капли ударили по карнизу. Удары становились все чаще, спустя мгновение это был уже ливень.

Девушка отыскала спортивную сумку. Собрала вещи, поставила сумку у двери, потом легла в кровать и закуталась в одеяло.

Под шум дождя она постепенно успокоилась и не заметила, как уснула.

— Что, действительно уезжаешь? Но ты же мне не заплатила! Посмотри, как изуродована моя машина! — мужчина был в ярости.

Дайнека не видела лица, но знала, что это новый знакомый по имени Виктор.

— Я пыталась, вы же сами не захотели... — оправдывалась она.

— И слышать ничего не хочу! Ты мне за все заплатишь... За все-е-о-о... — затянул он зловеще, и его голос пронзительно зазвенел, превращаясь в телефонный звонок.

Не отрывая головы от подушки, Дайнека взяла трубку:

— Слушаю...

— Плохи наши дела, — это был отец.

— Плохи... — повторила она, засыпая.

— Погода нелетная, задержки рейсов, и, говорят, это надолго. Остается поезд, но это почти три дня пути... Что будем делать, самолет или поезд?

— Конечно, поезд! — уверенно проговорила мама, появившись из темноты. — Что, по-вашему, лучше — четыре часа страха или три дня удовольствия?

Мама любила ездить поездом и часто повторяла эту фразу.

— Три дня удовольствия... — эхом отозвалась Дайнека. Ей было жаль, что это всего лишь сон и мамино лицо снова растаяло в темноте.

— Значит, поезд, — подытожил отец.

Наступила тишина, Дайнека спала, и только дождь шумел за окном.

* * *

Старый пекинес Теодоро тяжело поднялся с травы и пошел к лестнице, ведущей на веранду. Ему с трудом удалось поставить передние лапы на нижнюю ступеньку. После передышки задняя лапа сделала неприлично короткий взмах, тщетно пытаясь воссоединиться с двумя передними, но возвратилась туда, где была.

Ни одна из последующих попыток не удалась. Выбившись из сил, Теодоро сел. Сзади он был похож на маленький замшелый пенек.

Его хозяин, Вадим Николаевич Рак, с грустью смотрел на старевшего пса. Он давно наблюдал за его попытками, сидя в тени деревьев в компании своего давнего знакомого Семена Крестовского.

Поднявшись с плетеного кресла, Вадим Николаевич подхватил Теодоро и перенес на веранду. Пес улегся на деревянный пол и закрыл глаза. Его нимало не беспокоило, что он перегородил путь в гостиную. Знал — его никто не потревожит.

Вадим Николаевич вернулся к собеседнику и грустно кивнул в сторону Теодоро.

— Старый стал...

— Усыпить — и дело с концом... — отозвался Крестовский и осекся, увидев, как переменялся в лице хозяин.

Поймав на себе взгляд Вадима Николаевича, он произвольно пожегился.

«Ласковый Потрошитель...» — Крестовский вспомнил прозвище, данное Раку в годы их совместной работы в органах, где он служил под началом Вадима Николаевича. В какой-то момент их пути разошлись, но печать иерархической зависимости перешла на дальнейшие отношения. Рак занимал ответственный пост в Думе. Он и теперь был похож на военного: статный пятидесятилетний красавец с решительными движениями и хорошей осанкой.

В Крестовском, напротив, никак не угадывалась военная выправка: он был некрасив, сутул, лысоват. Словом, выглядел штатским. К тому же был хорошо известен как человек, принадлежащий к мутным полукриминальным кругам.

Их разделял столик, покрытый белой скатертью, поверх которой лежала еще одна, цвета ванили. Кроме чайных приборов на нем стояла тарелка с бутербродами и чистая пепельница. Никто из них не курил.

— Усыпить, говоришь?.. — выдерживая паузу, Рак изучающе смотрел на Крестовского, отчего тот заерзал в кресле и, потянувшись за бутербродом, автоматически сунул его в рот. — Не могу! — с расстановкой проговорил хозяин дома и вдруг усмехнулся. — Я и забыл, как радикально ты решаешь вопросы.

— Простые решения всегда целесообразней.

— Не меня-я-я-е-е-шься, — протянул Вадим Николаевич. — Целесообразней... Какое неудобное слово! — Он поморщился и, сделав глоток чаю, продолжил: — Моя первая жена всегда так говорила, собираясь посадить меня на диету. И что же? — он между делом перекрестился. — Ее с нами нет. Я снова женат. А вот Теодоро, как и прежде, со мной. И знаешь почему? — Рак издевательски тянул время. — Потому что он никогда не говорит, что для меня целесообразней. Он молчит. И правильно делает.

Последние слова показали угрозой.

— Погода портится, — неожиданно дружелюбно добавил он.

«Играешься, сволочь», — Крестовский напустился.

— Да ладно тебе! Не сопи, о деле давай.

— Рассказывать по существу или с подробностями?

— По существу. Детали оставь себе.

Крестовский замер, он испытывал сильнейшее желание сказать что-нибудь резкое или просто двинуть по заносчивой физиономии собеседника.

«Чтоб ты сдох», — подумал он и вежливо улыбнулся:

— Все готово. Завтра утром, после того как самолет приземлится, в десяти километрах от красноярского аэропорта Емельяново машину нашего знакомого остановит наряд ГИБДД и...

— Я сказал, подробности оставить себе! Кто сделает основную работу?

— Монгол.

Вадим Николаевич вскинулся:

— Об этом забудь!

Крестовский выдержал паузу, потом вкрадчиво прошептал:

— Он сделает и то и другое...

— То... — с нажимом произнес Вадим Николаевич, — для меня важнее всего. А другое можешь поручить кому-то еще.

— Надежных людей мало, — заметил Крестовский.

— Это уж точно, — поддержал его Рак.

Крестовский вопросительно покосился.

— Значит, могу взять Монгола?

— Можешь. Только запомни: главное дело пострадать не должно. Спрос будет с тебя.

Вадим Николаевич озабоченно посмотрел на небо.

Серая полоса над дальним лесом на глазах почернела, сделалась шире и вот уже затянула добрую половину небосвода. Высокие окна, распахнутые в сад, тревожно захлопали. Упрutum парусом взметнулись края скатерти, задрезбезжала посуда.

— Дождь будет, — сказал Рак. — Пойдем в дом!

Они встали. Сильный порыв ветра немедленно опрокинул плетеные кресла. Пекинес поднял голову и без любопытства взглянул на мужчин.

— Идем. Идем с нами, голубчик...

Теодоро перекатился на живот и, с трудом поднявшись, заковылял в гостиную вслед за хозяином.

— Лена! Скажи, чтобы там убрали, дождь начинается! — крикнул Вадим Николаевич.

В дверном проеме возникла худая, очень высокая девушка. У нее были средней длины каштановые волосы, страдающие глаза Жизели и плоская грудь манекенщицы. Крестовский без интереса посмотрел в ее сторону. Очевидно, из-за собственной худобы ему нравились женщины «в теле».

Елена была четвертой женой Рака и, как он сам говорил, — не последней. Будто стесняясь, она бочком вышла в сад.

— Нет! — крикнул ей Рак. — Не смей этого делать сама! Прислуге скажи!

Елена бросилась в дом.

— Тупица! — выругался Вадим Николаевич. — Год как женаты, а она все еще таскает за мной стулья. И, вот ведь дура, никак не запомнит, что я не курю. В доме повсюду расставлены пепельницы...

Мужчины устроились на удобных диванах в гостиной. Девушка-прислуга закрыла окна и включила кондиционер.

— Принеси коньяку, — велел ей хозяин.

Прислуга вышла и тут же вернулась с бутылкой.

— Так на чем мы остановились?

— На Монголе.

— Да и черт с ним, с этим Монголом, расскажи лучше, как там дружочек наш засланный?

— Дрищет, но не отказывается.

— Парши-и-и-ивец, — Вадим Николаевич укоризненно покачал головой и разлил по рюмкам коньяк. — Своих продает... Гнило-о-ой человек.

— Падаль, — согласился Крестовский. — Но у него есть на то причины.

— Бог с ним, Крест! Вздрогнем?!

Они чокнулись и выпили. Закусив лимоном, хозяин дома скривился:

— Давно хотел спросить тебя, Крест, а что, если Монгол...

— Я решу этот вопрос.

— Радикально?

Крестовский утвердительно моргнул глазами и выдохнул.

— Ну, хорошо-хорошо, только не рассказывай — как. Не люблю я этих подробностей. И никогда не любил! Даже когда на страже был... закона и правопорядка. Будь он неладен. Лена! Почему не подали салфетки?!

«*Да заткнешься ты наконец...?*» — в мыслях Крестовский с размаху бил по этому ухоженному лицу и представлял, как колыхнутся от удара эти бледные щеки. Как кривится гримасой рот и закатываются узкие, как иглы, зрачки. Как откидывается голова и беспорядочно лохматятся волосы, ломая безупречный пробор... Как...

— Лена! — снова закричал Вадим Николаевич.

«*Черт! Да что ж ты так орешь?!*»

— Я в туалет, — Крестовский поспешно встал.

— Лена!!

В коридоре на Крестовского налетела испуганная супруга патрона. Отступив, он нащупал дверную ручку, зашел в ванную, заперся на щеколду и облегченно выдохнул:

— Мразь...

Ненависть к Раку была привычной и, как выдержанное вино, давно перебродила. Теперь она была не столь болезненной, более того, доставляла странное удовольствие, сродни мазохистскому.

События, которые навсегда связали их с Раком, лучше не вспоминать. После таких дел люди или умирают, или молчат.

Крестовский приблизился к зеркалу. Оглядев себя, усмехнулся. В розовой рубашке он был похож на потертого купидона. Легкий пушок кучерявился над вспотевшей лысиной, глаза голубели

от скрытой ненависти. Золоченая рамка зеркала придавала композиции определенную завершенность.

Оттянув нижнее веко, он сначала проверил, что там, потом высунул язык и внимательно осмотрел его. Затем включил воду и расстегнул ширинку.

Покачиваясь в танцевальном ритме, Крестовский старательно выводил неприличное слово на белоснежном полотенце. Благородный хлопок с готовностью впитывал влагу весьма определенного содержания. Мощной струей он опрокинул флакон духов, пометил мыло в просторной мыльнице, остатки творческого вдохновения излил на симпатичный беленький коврик...

Состояние невесомости под названием «свобода» вознесло его на вершину чувственного безумия, и это было настоящим мужским счастьем.

Стряхнув последние капли, он застегнул молнию и открыл глаза. Сознание прояснилось. Крестовский с испугом покосился на нетронутое полотенце и тщательно протер носовым платком обрызганный край писсуара.

В коридоре у него состоялся короткий разговор по мобильному. В гостиную он зашел весьма озабоченным:

- Все меняется, Вадим Николаевич.
- Это еще почему?
- Погода нелетная. В этом все дело.

Не стовариваясь, оба посмотрели в окно. На улице было черно, как будто вдруг наступила ночь. Лохматые кусты истерично раскачивались из стороны в сторону и хлестали по оконному стеклу тяжелыми от влаги ветвями.

- Он едет поездом...
- Спецвагон? — деловито осведомился Рак.
- Вы не поверите, — не сдержавшись, Крестовский расхохотался. — В обычном СВ!

— Напрасно радуешься, это намного усложнит дело.
— Конечно, — посерьезнел Крестовский. — Но мы все решили. Монгол уже там. ГИБДД отменяется.
Вадим Николаевич отмахнулся:
— Делай как знаешь, но спрошу — с тебя!
Он умолк и зашагал прочь по коридору, куда-то в глубину дома. Неожиданно остановился, обернулся:
— И помни... Монгол должен ее найти!
«Пошел в жопу!» — мысленно огрызнулся Крестовский.

* * *

Сонную тишину квартиры нарушил какой-то звук. Дайнека открыла глаза и напряглась, определяя, что это было, но тут же сообразила: хлопнула входная дверь.

В комнате было темно. Спрыгнув с кровати, она выбежала в коридор.

— Папа, сейчас вечер или ночь?

— Десять часов вечера, — расправив промокший зонт, Вячеслав Алексеевич прикидывал, куда бы его пристроить. — Ты спала?

— Да.

— Вещи собрала?

— Собрала.

— Тогда поехали. Ливень страшный, повсюду пробки. Поезд отходит через час. Поедешь с комфортом, в мягком вагоне.

— В вагоне? Почему в вагоне? — удивилась Дайнека.

— Мы же все обсудили по телефону, — он внимательно посмотрел на нее.

— А я думала, мне это приснилось...

— Быстрее собирайся.

— Я мигом.

Квартиру покинули быстро, как будто от кого-то бежали. Отцовская машина ждала у подъезда, тем не менее Дайнека ввали-

лась в нее промокшая. Тишотка заскочил вслед за ней и, устроившись на сиденье, энергично встряхнулся, обдавая брызгами все вокруг. Вконец распоясавшись, он получал от этого громадное удовольствие.

Спустя несколько минут автомобиль с трудом втиснулся в непрекращающийся поток машин на магистральном шоссе. По стеклу бессмысленно бегали «дворники». Дайнека видела перед собой лишь водяную стену и красные огоньки стоп-сигналов. Можно себе представить, какие ругательства изрыгали водители, когда приходилось резко тормозить или трогаться с места!

Каждый понимал: правила здесь общие, и нарушать их было себе дороже.

На площадь Трех вокзалов стекались потоки машин и реки дождевой воды. Игнорируя транспорт, отовсюду лезли нагруженные беспокойные пассажиры. Мельканье фар, автомобильные гудки, силуэты бегущих людей, возникающих ниоткуда и исчезающих в никуда, — все это сводило с ума и вселяло панику.

Вячеслав Алексеевич напряженно молчал, времени до отхода поезда оставалось все меньше. Резко вывернув руль, он грубо выругался. Таким взволнованным Дайнека не видела его никогда.

В этой бурлящей неразберихе они пытались отыскать хоть какое-нибудь свободное место. Наконец нашелся крохотный пятачок. Вячеслав Алексеевич припарковался, схватил сумку, махнул рукой и побежал в сторону перрона. Прощаясь, Дайнека поцеловала Тишотку, захлопнула дверь и устремила след за отцом, натянув на голову куртку, чтобы не вымокнуть теперь уже до самой последней нитки.

— Дура... дура... дура, — бубнила она, перепрыгивая через лужи и вспоминая про зонт, который остался лежать на стуле в прихожей.

На мгновение ливень затих, но потом обрушился с такой силой, что стало страшно и захотелось забиться в какой-нибудь тихий угол. Впереди по-прежнему маячила отцовская спина, и она

была единственным ориентиром в этой нескончаемой круговерти.

Дайнека уже не пряталась от колючих струй дождя, которые особенно больно хлестали по рукам и лицу. Ей хотелось побыстрей оказаться на месте. Падающая с неба вода мощными боковыми ударами колотила о стены вагонов, а сильный ветер раскачивал их, словно пробовал опрокинуть. Рядом с ней бежали промокшие, сторбленные люди. И только проводники, сопротивляясь порывам ветра, непоколебимо стояли каждый на своем посту.

Перекрывая шум дождя, за спиной раздался звук, похожий на автомобильный сигнал. Дайнека продолжала бежать, справедливо полагая, что на перроне автомобилю не место. Но позади нее снова раздался гудок и взвыла сирена. Обернувшись, девушка увидела большой черный автомобиль.

Расступившиеся пассажиры с любопытством наблюдали непривычное зрелище, на их мокрых лицах играли разноцветные блики сигнальных огней.

Вслед за первой машиной по образовавшемуся коридору проследовала вторая. Сомкнув ряды, пассажиры деловито продолжили путь. Дайнека в панике искала глазами отца. Он тоже ее на мгновение потерял, но, увидев, тут же отправился дальше.

Через минуту ситуация повторилась: мимо проехали еще две машины.

Порыв ветра толкнул Дайнеку в спину, и она зашпешила вслед удаляющимся автомобильным огням. А когда добежала до своего вагона, там стояли все четыре машины.

Безумная суতোлка закончилась. Финальная картина напоминала кадры американского фильма — когда чрезвычайное происшествие общенационального масштаба притягивает к себе лучшие умы державы. Вспыхивающие проблесковые маячки, застывшие у вагона проводники и незаметные люди в черном, с трудом удерживающие зонты над чьими-то головами.

Ураганный порыв ветра изменил направление ливня и вывернул зонты, превратив их из «грибов» в «лодочки». Очередь у вагона качнулась, но темп ее продвижения был незыблем. Пассажиры один за другим заходили внутрь. В полутьме, посреди мерцающих огней и дьявольской непогоды, все они были похожи как родные братья: мрачные, одинаково неторопливые, мокрые, без багажа.

«Интересные события здесь разворачиваются», — подумала Дайнека, не предполагая, что скоро окажется в самом центре этих событий.

Она обернулась и встретилась глазами с девушкой, которая стояла в темном купе за стеклом. Прямые черные волосы и смуглый цвет кожи делали ее похожей на чужестранку с далеких экзотических берегов. Ровно подстриженная челка, худое лицо со впалыми щеками. Она с тревогой вглядывалась во тьму и, похоже, кого-то ждала. Дверь за ее спиной отъехала в сторону, в проеме появился мужчина. Его голова и плечи четким силуэтом обозначились на фоне ярко освещенного коридора. Девушка вздрогнула, обернулась, через секунду они уже целовались. Она рывком задернула оконную штору.

— Через три дня будешь с мамой, — сказал отец, перекрывая голосом шум дождя.

В эту минуту Дайнека ощутила, как ему хочется шагнуть в вагон и уехать.

— Я тебе позвоню, — пообещала она.

— Звони, буду ждать.

Вячеслав Алексеевич поцеловал дочь, и она последней из пассажиров зашла в тамбур, после чего проводница захлопнула тяжелую дверь.

— Живей, девушка, отъезжаем, ваше купе четвертое.

Дайнека кивнула, но в коридор не пошла. Вернулась к двери и прижалась лицом к стеклу. Вагон дернулся. Перрон ухлынул, и ей было нестерпимо жаль отца, стоящего под дождем и удаляющегося вместе с опустевшим перроном.

Послышался голос проводницы:

— Скажи мне, Вера, что происходит? Ни одного свободного места, и все едут до Красноярска. Уж и не помню, когда такое бывало.

— Дураку ясно. Выборы губернатора на носу. Погода нелетная, вот и забегали, — ответила невидимая Вера. — Зато тихо поедем — народ солидный. Видела, сколько охраны?

— Видела. Я ему говорю: «Проходите, мужчина, не загрожайте проход», а он мне: «Спокойно, придется вам потерпеть». Ну, я сразу поняла, что охрана.

— В пятом и в седьмом купе — точно охрана, они все на одно лицо.

— Ну, стало быть, в шестом какой-нибудь чин едет.

Из маленькой кухоньки слышался звон посуды и потягивало сигаретным дымом. Дайнека прошла в коридор. У окна стоял охранник в черном костюме. Он внимательно проводил ее взглядом.

Пассажиры быстро разошлись по местам. О них напоминали только мокрые следы на парусине, постеленной поверх ковровой дорожки. Все без исключения двери были закрыты. Дайнека попыталась определить, в каком купе находится черноволосая незнакомка. По всему выходило, что во втором. Девушка отодвинула дверь четвертого купе, шагнула внутрь и поспешно закрыла ее, чтобы избавиться от изучающего взгляда охранника. В левом углу сидела светловолосая женщина лет тридцати. Облокотившись на стол, она задумчиво смотрела в окно. Услышав, как открылась дверь, обернулась.

— Ну, вот... — тихо сказала Дайнека.

— Поехали, — отозвалась попутчица, и они любезно улыбнулись друг другу.

По всему было видно, что соседка находится в привычной для нее обстановке. Дорожная легкость общения передалась и Дайнеке.

- Вы до Красноярска? — спросила она.
— Здесь все до Красноярска, — ответила женщина.
— Меня Людмилой зовут, но если хотите, зовите Дайнекой.
— Это что, прозвище такое?
— Фамилия. Мне так больше нравится.
— Интересно... Но мой козырь еще выше.
— Не понимаю, — улыбнулась Дайнека.
— Закаблук... Как вам это понравится?
— Что?..
— Фамилия — Закаблук.
— Здорово.
— Не то слово... Ну а имя обыкновенное — Ирина.
— Очень приятно, — сказала Дайнека, сообразив, что с попутчицей ей повезло.

— Взаимно, — ответила та.

Дверь открылась, и к ним заглянула проводница:

— Чайку перед сном не желаете?

— Желаем, желаем, несите! — воскликнула Ирина.

Проводница ногой оттолкнула дверь и вошла в купе, держа в каждой руке по солидному подстаканнику, в которых плотно сидели стаканы с темным чаем. Поставив их на стол, вышла.

Перемешивая ложечкой сахар, Ирина молча разглядывала золотисто-коричневые вихри внутри стакана.

— Ну и ливень. Я такого за всю свою жизнь не видала. Что-то здесь в Москве не так, если с небес на вас столько воды вылили.

— Скорее на вас... — возразила Дайнека и сама удивилась своей мысли.

— Ты даже не представляешь, насколько точно сказала! — Ирина встала и, уже выходя из купе, заметила: — В такой компании, какая собралась в этом вагоне, можно оказаться только от большого несчастья или от нелетной погоды. Ты переодевайся, а я пойду в душ.

Дайнека вынула из сумки футболку и брюки, осмотрелась, прикидывая, где развесить промокшую одежду. Подняла и встряхнула сброшенную впопыхах куртку, примостила ее на крючок.

За перегородкой, в соседнем пятом купе, кто-то закашлялся.

Переодевшись в сухое, Дайнека достала мамину открытку и положила на стол. Повернулась к двери и увидела себя в зеркале. Короткие темные волосы топорщились мокрым «ежиком», лицо — слишком бледное, в глазах — тревожное ожидание. Как мама узнает в ней, совсем взрослой, ту двенадцатилетнюю девочку?

Волной накатила тоска. Мама... Единственным желанием теперь было увидеть ее и помочь. Помочь, как если бы не она, Дайнека, была дочерью, а мама — слабым, обиженным жизнью ребенком. Мама нуждалась в ней, и это меняло все в их жизни.

Раскат болезненного кашля прервал ее мысли. От этих провозирующих звуков у Дайнеки самой запершило в горле. Она поморщилась, припоминая, не прихватила ли с собой какого-нибудь лекарства. Протянув руку, чуть приоткрыла дверь и вдруг услышала раздраженный голос, переходящий в шипение:

— Вернись в купе.

Дайнека замерла. Но тут же, еще не определившись, как отреагировать на этот приказ, услышала женский голос:

— Я не твоя собственность, ты не имеешь права.

Невидимая рука задвинула приоткрытую дверь купе. Дайнека отпрянула и услышала, как о перегородку ударилось чье-то тело.

— Скоро все закончится. Обещаю тебе, — произнес мужчина.

Через закрытую дверь Дайнека уловила причитание женщины:

— Чтоб вы все сдохли... Сдохли...

Потом раздался звук удаляющихся шагов, и все стихло.

Переждав несколько мгновений, Дайнека рывком открыла дверь и от неожиданности вскрикнула.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Ирина.

— Просто испугалась, не думала, что здесь кто-то стоит. Простите!

— Сама иногда пугаюсь, — миролюбиво улыбнулась Ирина, заходя внутрь. — Особенно по утрам, когда вижу себя в зеркале. И что самое страшное, — продолжала она, усаживаясь на свое место, — надежды на перемены к лучшему — никакой.

— Да ну... Вы — такая...

— Давай на «ты». Не усугубляй, — попросила попутчица.

— Не буду.

Дождь закончился неожиданно. Ветер стих, когда московские пригороды еще мелькали за окном далекими разбросанными огнями. В купе царил полумрак. Свет был тусклым и переменчивым, он то разгорался ярче, то совсем угасал. Бутылки с минеральной водой позвякивали посреди стола, откликаясь на покачивание вагона и стук колес. С бутылками соседствовали бокалы и ваза с печеньем.

Глядя в окно, Ирина тихо сказала:

— Два часа назад я сидела в зрительном зале и слушала музыку...

Дайнека из вежливости поинтересовалась:

— Оперу?

— Нет. «Юнону и Авось» в Ленкоме.

— Я тебя никогда не увижу...

— Я тебя никогда не забуду, — улыбнулась Ирина.

— История великой любви, — прошептала Дайнека.

— Ты так считаешь? — Ирина взяла печеньюшку и сунула в рот. Дайнека посмотрела на нее с удивлением.

— А как же иначе?

— Я, знаешь ли, журналистка. Журналисты, как и врачи, циники.

— Но ведь они любили друг друга...

— Свидетелей не осталось.

— В каком смысле? — Дайнека оторопела.

— Как было на самом деле, теперь не знает никто. Мой нынешний шеф помешан на этой истории, и мы часто спорим. Я ему говорю: делала сюжет для телевидения, воспоминания читала, свидетельства современников, любовью там и не пахнет. Резанов — опытный дипломат, и его помолвка с Кончитой — то же самое, что династический брак. С ее помощью он шел к своей цели.

— Да не было у него никаких целей! — горячо возразила Дайнека. — Просто встретил и полюбил.

— Идеалистка. Такая же, как Турусов.

— Кто такой Турусов? — спросила Дайнека. — Друг командора Резанова?

Ирина расхохоталась.

— Турусов — кандидат в губернаторы, мой шеф. Я работаю в его избирательном штабе.

— А-а-а... — от смущения лицо Дайнеки стало пунцовым.

— Резанов умер и похоронен у нас в Красноярске. Возможно, поэтому многие красноярцы интересуются этой историей. Турусов — не исключение. Именно он финансировал постановку «Юноны и Авось» в краевом драмтеатре и дал денег на памятник.

— На памятник командору Резанову?

— Да. Его установили на месте первого захоронения, там, где раньше стоял Воскресенский собор.

Дайнека наморщила лоб.

— Я не помню, где он стоял, мы уехали из Красноярска лет десять назад.

— Успокойся, — Ирина заулыбалась, — этого ты знать не могла. Собор снесли в начале шестидесятых. В то время ни тебя, ни меня не было даже в проекте. Тогда же, в шестидесятых, гроб с прахом Резанова перезахоронили в другом месте.

— Зачем?

— Не знаю. Документов никаких не осталось. Когда я делала сюжет, нашла одного очевидца и пару статей на эту тему.

— И все-таки я уверена, что они любили друг друга... — вложив в эти слова что-то личное, Дайнека отвернулась к окну.

Не заметив, что ее глаза повлажнели, Ирина возразила:

— Говорю тебе, я всерьез изучала эту историю. И вот что скажу. Николай Петрович Резанов был очень продуманным чуваком. Высокий сановник, действительный камергер русского императора. Командор (и, значит, масон), опытный дипломат. Не многие знают, что, прежде чем попасть в Сан-Франциско к Кончите, он проделал утомительное путешествие. Представь, с ней он встретился в конце марта 1806 года, а путешествие началось в июле 1803-го.

— И где же он был эти три года?

— А ты думаешь, что Резанов только за тем и поехал, чтобы познакомиться с девочкой? — съехидничала Ирина.

— Да нет... Наверное, у него были дела.

— Дела точно были. Государь послал его в Японию договариваться с тамошним императором о торговле. Поплыл Резанов на корабле «Надежда», которым командовал Крузенштерн.

— Иван Федорович?

Ирина удивленно вскинула брови.

— Ого! Да ты молодец.

Дайнека скромно потупилась.

— Давай, рассказывай дальше.

— По дороге в Японию они с Крузенштерном страшно переругались. Против Резанова восстали все офицеры. Дошло до того, что ему объявили матерную войну.

— Как это?

— В общем, ругались на него, матерились. Резанов заперся в каюте и ни с кем не общался. Потом он заболел, но даже врач к нему не пошел. Кто-то из офицеров предложил заколотить дверь каюты гвоздями.

— Неужели заколотили? — изумилась Дайнека.

Ирина вздохнула и поправила волосы.

— Конечно же нет. Но в результате всего этого Резанов отказался идти в Японию, заявив, что не может представлять интересы великой державы, пребывая в таком униженном состоянии. И велел направить «Надежду» на Петропавловск. Там губернатор заставил Крузенштерна и его офицеров принести Резанову извинения, после чего корабль отбыл в Японию. Как видишь, Николай Петрович Резанов был изрядным занудой.

— Скорей — человеком чести, — возразила Дайнека.

— Ты все стараешься приукрасить, — заметила Ирина. — Как раз эта его честь, а также высокомерие помешали наладить торговые отношения с Японией.

— В смысле?

— Так написал Крузенштерн в Санкт-Петербург.

— И это было правдой?

— Сама посуди. По прибытии в Японию Резанову полгода пришлось ожидать аудиенции.

— Почему?

— Столько времени понадобилось посланнику японского императора, чтобы встретиться с русским послом.

Дайнека удивилась:

— Далеко было ехать?

— Нет.

— Тогда почему так долго?

— Чтобы унижить русских и подчеркнуть собственное величие.

— Но японец все же приехал?

— И привез ответ императора с отказом в торговле и требованием, чтобы русский корабль немедленно покинул их гавань. Резанов очень резко ему ответил... — Ирина запнулась, что-то припоминая, и потом с жаром продолжила: — На той встрече присутствовали купцы из Голландии. У них было разрешение торговать с Японией, и они демонстрировали раболопное поклонение местной власти. Некоторые лежали на животе, не смея

поднять головы. Резанов же сказал, что он посол государя великой державы и не обучен подобному унижению. В общем, как и написал Крузенштерн, миссия провалилась.

— В этом не было вины командора. Он вел себя с достоинством, заставив уважать нашу страну...

— В то время так думали немногие, большинство просто обвинило его в высокомерии и неуступчивости.

— После этого он поехал к Кончите? — Изнемогая от любопытства, Дайнека приготовилась внимательно слушать.

— Нет. Это был март 1805 года. С ней он встретится только через год. На этом же корабле, на «Надежде», Резанову предстояло отправиться с инспекцией на Аляску, в город Ново-Архангельск, где располагалось русское поселение. Но отношения с Крузенштерном не складывались, и он принял решение покинуть надежный военный корабль и отправился в опасное путешествие на маленьком суденышке под названием «Святая Мария».

— Знаешь, эта история отличается от того, что я слышала, — призналась Дайнека.

— Погоди, — заверила Ирина, — самое интересное впереди! Мало того, что пребывание на корабле само по себе утомительно, напоминаю — Резанов не был опытным моряком и страдал морской болезнью. Прибавь к этому нервное истощение — результат жестких конфликтов с Крузенштерном, и затянувшуюся простуду. Вот и представь, в каком состоянии Резанов прибыл на Аляску, в Ново-Архангельск.

— Да-а-а... — сочувственно протянула Дайнека. — Когда это было?

— В августе 1805 года.

— До встречи с Кончитой осталось чуть меньше года.

— Но какой это был год для командора Резанова... — вздохнула Ирина. — Русских поселенцев в Ново-Архангельске он застал в чудовищном состоянии. Многие болели цингой. Худые, голодные, без зубов... Жрать нечего. От цинги не спасал даже отвар

из сосновых шишек — единственное доступное им лекарство. Короче... Перезимовал Резанов в русской колонии, перемучился вместе со всеми. И вместо того, чтобы инспектировать, ему пришлось спасать поселенцев от голода и цинги. В общем — от верной смерти. Весной 1806 года на судне «Юнона» он отправился в Сан-Франциско, надеясь закупить там еду. На борту — всякая всячина, чтобы обменять на продукты, и вымотанный, обессиленный голодом и цингой экипаж.

— Ох... — вздохнула Дайнека.

— Теперь — спать, — Ирина встала и, откинув одеяло, улеглась на свое место.

— А дальше?

— Туши свет и ложись. Остальное потом как-нибудь расскажу.

Мужчина в соседнем купе не переставал кашлять. Но даже это не помешало Дайнеке заснуть сразу, как только голова коснулась подушки.

ГЛАВА 2

Бухта Сан-Франциско, март 1806 года

Под утро тихий брамсельный ветер¹ передвинул туман с моря на берег. Из-за горизонта пробились первые лучи солнца, разгоня серую предрассветную мглу.

Вахтенный пробил восемь склянок². Бледные, изможденные лица матросов были обращены к берегу, к диким скалам, крепостным пушкам и узкому входу в бухту, через который им предстояло прорваться — или погибнуть.

¹ Тихий брамсельный ветер — ветер силой в 3 балла.

² Восемь склянок — четыре часа утра.

Все ждали приказа сниматься с якоря.

На мостике стоял командор. Он поднял подзорную трубу и навел ее на форт, охранявший узкий пролив. Потом обернулся и сказал капитану Хвостову:

— Не будем спрашивать дозволения, ибо положение наше плачевно. Лучше получить ядра в борт, чем пасть жертвой голода и скорбута¹. Еще немного, и люди начнут умирать. Заходим в бухту, даже если будут палить. Ставьте паруса, Николай Александрович. С Богом!

Капитан тут же отдал приказ:

— Ставь паруса! Живо!

По палубе затопали десятки ног, и скоро каждый матрос был на своем месте. Паруса покрыли мачты и реи, корабль задрожал, тронулся и, набрав полный ветер, двинулся в гавань.

Хвостов вернулся на мостик и доложил командору:

— Скорость — восемь узлов. Если так пойдем, можем проскочить незамеченными, удалиться на безопасную от пушек дистанцию и там встать на рейд.

Чем ближе был форт, тем пристальней смотрел на него командор. Никакого движения. В предутренние часы караульные спали особенно крепко.

Когда нос корабля уже готов был вклиниться в узкий пролив, скорость резко упала. При наполненных парусах судно встало на месте.

Командор обеспокоенно взглянул на Хвостова.

— Отлив начался, — объяснил тот, поднял трубу и посмотрел в сторону форта. Потом тихо добавил: — Сильное течение, сударь. Вода уходит из бухты.

Тем временем вставало солнце, постепенно заливая светом снежную вершину прибрежной горы. Командор снял шляпу и крепко стиснул ее пальцами. Теперь было ясно: малая скорость

¹ Скорбу́т — цинга (авитаминоз).

не позволит судну зайти в гавань, воспользовавшись предрасветными сумерками и временным неведением гарнизона.

Корабль лавировал, борясь с сильным течением из залива. Медленно и настойчиво пробирался он к «воротам». Теперь каждый матрос мог разглядеть форт с амбразурами, из которых торчали черные жерла пушек.

И вот уже раздался пронзительный звук трубы, а вслед за ним — бой барабана. На берегу показались несколько всадников. Проскакав вдоль воды, они остановились на крайней точке губы. Один из них крикнул в рупор по-испански:

— Кто такие? Что за корабль?

Хвостов глянул на командора, тот кивнул. Капитан приставил ладони ко рту:

— Русские!

Офицер во весь опор помчался назад в крепость. Остальные стали махать ружьями и руками, делая знаки, чтобы корабль повернул назад или немедленно бросил якорь.

Крепостные пушки задвигались, направляя стволы на русский корабль. Стоящие рядом солдаты громко кричали и трясли зажженными фитилями.

— Только вперед! — приказал командор и добавил чуть мягче: — Не подведи, Николай Александрович.

Хвостов отдал честь и кинулся к югу¹. Скоро по палубе забежали даже те, кто из-за болезни уже с трудом стоял на ногах. Одни бросились к парусам, другие начали громохатать якорной цепью. В форте, очевидно, решили, что корабль подчинился приказу, и несколько успокоились, ожидая, когда матросы закончат маневр.

Одновременно с этим сила отлива резко уменьшилась, судно прибавило скорости и вклинилось в узкий пролив, зажатый между двумя губами. На одной из них стоял форт, на другой не

¹ Ют — кормовая надстройка судна.

было никаких признаков жизни. Прямо по курсу простиралась спокойная гладь бухты.

— Скорость — девять узлов, — капитан тоже снял шляпу, вытер со лба пот и, поклонившись в сторону форта, что было сил прокричал: — Си, сеньор! Си, сеньор! Си! — единственное, что знал по-испански.

Испанцы в замешательстве наблюдали за тем, как русский корабль стремительно вторгается в бухту.

Спустя некоторое время капитан Хвостов доложил командору:

— Удалились от форта на пушечный выстрел. Теперь — в безопасности!

Командор указал на берег, по которому скакали всадники в ярких развевающихся плащах и широкополых шляпах.

— Впредь будем смелей. Конница сия теперь под нашей картечью.

— Господь даст — стрелять не придется.

— Слышать бы ему ваше слово, Николай Александрович, — сказал командор. — Прикажите отдать якорь.

Между тем на пологом берегу уже собралось более двадцати конников. Вместе с ними прибыл тучный монах в сутане черного цвета, подол которой свисал ниже стремян. Солдаты возбужденно трясли ружьями. Старший офицер кричал — требовал шлюпку и чтобы в ней непременно прибыл переговорщик.

Командор приказал:

— Мичман Давыдов, сношения¹ с испанцами вам поручаю. Скажете, шли в Монтерей. Жестокие бури, повредившие судно, принудили нас взять убежище здесь, в первом порту. Как только починимся, тотчас продолжим наш путь.

— Помилуйте, Николай Петрович, на испанском говорить не обучен!

¹ Сношения — здесь: переговоры.

— В помощь вам придаю доктора Лансдорфа. Меж солдатами на берегу мною замечен монах. Авось на латыни договорятся. Об истинной цели — ни слова. Держитесь весьма достойно. Помните, мы представляем здесь великую нашу державу!

Шлюпку спустили на воду, туда спрыгнул Давыдов, одной рукой придержал шпагу, другую подал Лансдорфу. Одетый в длинный сюртук, доктор с присущей ему осторожностью сполз вниз и сел на скамью. Матросы навалились на весла, и шлюпка пошла к берегу.

Взошло солнце, сделалось жарко. С берега долетел благоухающий запах леса и трав. Командор скинул плащ и, оставшись в мундире, приблизил к лицу трубу. Проводил взглядом шлюпку, стал осматривать берег.

В сравнении с Лансдорфом и Давыдовым, испанцы представляли собой весьма живописную группу. Но даже среди них выделялся молодой офицер: в огромном сомбреро с золотистыми кисточками, ярком плаще и сапогах с сияющими на солнце шпорами.

Встречая посольство, всадники спешили, и все, включая монаха, поспешили к воде.

Шлюпка ткнулась в песок, матросы спрыгнули в воду и вытянули ее подальше на берег. Давыдов и Лансдорф сошли, не промочив ног. Испанцы сняли шляпы, Давыдов приветственно козырнул.

Монах-францисканец выступил вперед и заговорил по-испански. Его слова не были поняты. Лансдорф попробовал по-французски, однако договориться не удалось, испанцам был неведом этот язык. Как и предположил командор, на помощь подоспела латынь. Когда Лансдорф заговорил на латыни, монах сделал знак, что все понимает.

Доктор продолжил:

— Посланник российского императора, действительный камергер двора Николай Петрович Резанов и мы, его со товарищи, просим гостеприимства. Жестокие бури привели судно в негод-

ность на пути в Монтерей. Исправив его, мы будем готовы снова отправиться в путь.

Монах перевел офицеру. Тот поднял брови и экспрессивно закивал. Присутствие на борту корабля такой высокой особы произвело на него должное впечатление.

— Дон Луис Аргуэлло, — молодой офицер представился сыном коменданта президио¹ и сообщил, что сам комендант нынче в отъезде. Отец рассказывал про бумагу, которую ему довелось видеть у губернатора в Монтерее. В ней, в этой бумаге, говорилось о возможном прибытии в Сан-Франциско русского камергера.

В продолжение разговора дон Луис просил Резанова оказать великую честь: посетить дом губернатора и отобедать вместе с его семьей.

Любезно пообещав передать приглашение, Давыдов приказал матросам столкнуть шлюпку в воду и, дождавшись, пока Лансдорф займет свое место, влез туда сам.

Возвращаясь к «Юноне», шлюпка запрыгала по волнам.

ГЛАВА 3

Поезд Москва — Красноярск, наши дни

Проснувшись утром, Дайнека забыла про вчерашний ливень. За окном сияло весеннее солнце.

Она на удивление хорошо выспалась, так что бодро встала и, подхватив полотенце, стремительно вышла за дверь. В коридоре со вчерашнего дня кое-что изменилось. Застилавшая пол парусина исчезла, на ее месте лежала ковровая дорожка. Искусственные цветы в плетеных кашпо покачивали пластмассовыми ветвями, скрашивая типовой интерьер вагона. В двух или трех купе теперь

¹ Президио — небольшая крепость с гарнизоном внутри.

были открыты двери. Напротив одной из них Ирина Закаблук беседовала с высоким мужчиной, лица которого Дайнека не видела, зато хорошо слышала голос.

— Напрасно вы, Ирина Ивановна, так ерепенитесь, нам с вами еще рука об руку...

— Сотрудничать?

— Такую возможность нельзя исключать.

— Можно, Виктор Евгеньевич! Вам известно, что я работаю в предвыборном штабе Турусова, — Закаблук посмотрела на собеседника и рассмеялась. — Вы мне нравитесь, но он нравится больше.

— И почему мы с вами раньше не познакомились! Каюсь, телевизор смотрю редко. Слышал, что вы талантливая журналистка... — мужчина сделал паузу, предвещающую какое-то важное заявление. — Но, по-моему, еще и очень красивая женщина.

Ирина заметила:

— А вы сердцеед. Причем профессиональный. Это я вам как знаток говорю!

— Знаток чего?

— Гражданского права.

— К чему вы клоните? Ах, простите, я и забыл, что по образованию вы юрист...

— Откуда все знаете? — поинтересовалась Ирина.

Не решаясь прервать беседу, Дайнека остановилась. От соседнего окна к ней устремился охранник.

— Доброе утро! Проснулась? — улыбнулась Ирина.

Охранник расслабился и вернулся на место.

— Проснулась, иду умываться.

Мужчина медленно обернулся, и, по мере того как он обращался, улыбка на его лице сменялась изумлением. Дайнека замерла: в ее жизни продолжали случаться фатальные совпадения.

— Вы?! — воскликнул он.

— Я, — со вздохом откликнулась Дайнека.

Перед ней стоял тот самый Виктор, чью машину она разбила вчера.

— Не хочу делать вам комплименты, Людмила, но вы вносите в мою жизнь некоторое оживление. Определенно.

— Вы знакомы? — удивилась Ирина и прямо-таки скисла от смеха. — Я же говорила — сердцеед. Как в воду глядела!

— Ну вот, — преувеличенно серьезно вздохнул Виктор, — теперь обстоятельства моей личной жизни станут достоянием общестственности. И все благодаря вам, коварная теледива!

— Вы переоцениваете мою кровожадность, — уверила Ирина.

— Боюсь, недооцениваю. Тем более что теперь мне трудно за себя поручиться. Поездки по железной дороге способствуют романам не меньше морских путешествий, — он со значением посмотрел на Дайнеку.

— Это вы сами придумали? — спросила она.

— Это не я придумал, Агата Кристи. «Убийство в Восточном экспрессе». Читали?

— Я не читаю детективов! — фыркнула Дайнека, ощущая, как кровь приливает к лицу. — Пустите, мне нужно пройти.

Виктор предупредительно отступил. Охранник прижался к стенке вагона, втянул живот, а как только она прошла — выдохнул.

Захлопнув за собой дверь туалета, Дайнека метнула взгляд в зеркало. Какая она нелепая: красная, растрепанная, с нечищенными зубами! Как глупо она выглядела, когда у всех на глазах торжественно проследовала в клозет! Следовало признаться, что Виктор ей нравился. Хотя теперь, конечно, рассчитывать было не на что.

Когда она возвращалась, в коридоре кроме охранника уже никого не было. В купе Ирина выкладывала на стол какие-то свертки.

— Есть хочешь?

— Хочу, но я ничего с собой не взяла.

— Садись и ешь, — приказала Ирина. — Сейчас принесут чай, а вечером нас накормят по высшему разряду.

— Кто? — удивилась Дайнека.

Нарезая колбасу, Ирина не спешила с ответом.

— И почему по высшему разряду?

— Потому что все зависит от того, с кем обедаешь. Ты ведь знаешь, кто такой Шепетов?

— Не знаю, — Дайнека пожала плечами. — А кто такой Шепетов?

— Ты только что с ним говорила.

— Виктор?

— Он самый.

— И кто он такой?

— Кандидат на пост губернатора края. Соперник моего шефа и, я бы сказала, олигарх.

Дайнека усомнилась.

— Да ну... Олигархи летают на своих самолетах.

Ирина принялась за бутерброды.

— Я тоже так думала. Когда увидела его на перроне — глазам своим не поверила. Уверена, в первом же интервью расскажет, как он, простой русский парень, три дня ехал в поезде и думал о судьбах народа, о будущем сибирской земли. Он вместе с Турусовым вышел во второй тур. Идут практически вровень.

Дверь отъехала, и в проеме показалась симпатичная проводница, по-видимому, Вера.

— Чай, девочки?

— Несите! — потирая руки, воскликнула Ирина. — Вот за что я люблю поезда: здесь можно как следует выспаться и вволю поесть!

Окно притягивало взгляд, как огромный экран телевизора. За стеклом все время что-то менялось. Временами открывалась далекая перспектива на уходящие за горизонт поля, а потом на-

чинали суматошно мелькать деревья жиденьких перелесков. «Каналы» переключались, как им заблагорассудится.

Дайнека откинулась на спинку дивана и лениво смотрела на неприбранный стол.

— Да что же он, бедняга, так мучается! — посочувствовала Ирина, когда из-за стены опять донеслись раскаты хриплого кашля. — Выпил бы чего-нибудь...

Монотонный стук колес убаюкивал, упорно выговаривая одно и то же неразгаданное слово. Засыпая, Дайнека беззвучно повторяла и повторяла его одними губами.

— Откуда ты его знаешь? — спросила вдруг Ирина.

После долгой паузы, в полусне, Дайнека спросила:

— Кого?

— Шепетова.

— Я машину его разбила.

— И осталась в живых?

— Что же меня, убить за это?

Дайнеку вдруг осенило: «Убить... убить... убить...» — снова и снова повторяли колеса. Сон ушел.

— Знаешь, Ирина, что-то мне не по себе...

— Прости за неудачную шутку.

— Не в этом дело. У меня с самого начала было дурное предчувствие.

— Ты, Дайнека, точно детективов начиталась!

— Вся моя жизнь детектив.

Ее по-детски серьезный тон вызвал у Ирины улыбку.

— Тогда мне с тобой повезло — будет о чем вспомнить.

— И здесь ты права, — мрачно заключила Дайнека.

— Расскажи, как ты познакомилась с Шепетовым.

Дайнека устроилась в постели поудобнее.

— Пошла устраиваться на практику в рекламное агентство — не получилось. Расстроенная, села за руль, по ошибке включила

заднюю скорость. В общем, въехала багажником прямо в его машину.

— А что охрана?

— Не было никакой охраны.

— Быть такого не может, — Ирина недоверчиво подняла голову со своей подушки.

— Охраны не было точно. Он пальто забирал, я его потом везла на Таганку.

— Интере-е-сно, — задумчиво протянула Ирина.

— Он еще в агентстве меня приметил.

— И как же называется это агентство? Наверное, «Чистые руки»? — съязвила Ирина.

— Скорее — волосатые, — усмехнулась Дайнека, вспоминая похотливого менеджера по персоналу. — Агентство «Медиа Глобал».

— Однажды мне приходилось с ними сталкиваться, — произнесла Ирина и вернулась к начатой теме. — Короче, на практику ты не устроилась.

— Нет.

— А в Красноярск надолго едешь?

— Как получится.

— К матери?

— Откуда ты это знаешь?

— Прости. Я патологически любопытна, — Ирина взяла в руки открытку, лежащую на столе. — Прочитала.

— Тогда ясно.

Помолчав, Ирина продолжила:

— Давно болеет?

— Не знаю, — ответила Дайнека.

— Мать болеет, а ты не знаешь?

— Мы с ней не виделись десять лет.

— Почему?

— Мама от нас ушла.

— А кто такая Лариса и почему она ее бросила?

— Лариса — бывшая подруга матери. Она к ней тогда от нас с папой и ушла... Раз уж ты все прочитала.

— Понятно.

Обе замолчали. Дайнека некоторое время пыталась справиться со своими эмоциями и удерживалась от откровений. Но потом поняла, как важно для нее поговорить об этом здесь и сейчас:

— Трудно представить маму в инвалидной коляске. Помню ее красивой и молодой. Что это за болезнь такая — рассеянный склероз?

— Божья кара, — чуть слышно произнесла Ирина.

— Она всегда была такая крепкая, энергичная...

Поезд замедлил ход и скоро остановился — прибыли на какую-то станцию.

— Пойду разомнусь, воздухом подышу, — Ирина шагнула из купе, но тут же вернулась, хлопнулась на сиденье и сердито уставилась в окно.

— Что? — спросила Дайнека.

— Двери закрыты. Никого не выпускают, никого не выпускают. Телохранители берегут тело Шепетова.

В течение последующих тридцати минут они через стекло наблюдали за жизнью перрона, и было в этом принудительном затворничестве что-то унижительное, с чем трудно смириться.

— Гад, — прошептала Ирина. — Ну, погоди!..

— Ты сказала, что он пригласил нас с тобой на обед? — Дайнека старалась отвлечь ее. — Кроме него там кто-то еще будет?

— Будет один прихлебатель, они вместе едут в купе. Тоже наш, красноярский, по фамилии Казачков. Ничтожнейший человек, — взглянув на притихшую Дайнеку, Ирина жестко заметила: — Если я говорю «ничтожнейший», то знаю, что говорю.

— Верю, — Дайнека стушевалась, не понимая причины ее раздражения. — Смотри, наконец-то поехали.

За окном проплывало светло-зеленое здание. Поезд набрал скорость, но город все не кончался.

Когда кончились пригороды, Ирина уже спала, повернувшись лицом к стене.

* * *

В маленьком купе было душно и сильно пахло духами. К несчастью для Монгола, духи имели омерзительный запах. Он неподвижно лежал на полке, повернувшись к стене. Прислушивался и пытался определить, что происходит там, за спиной. По характерному шуршанию ткани и шлепкам бельевых резинок понял: женщина раздевалась.

Неприятности начались сразу же, как только поезд тронулся от станции «Киров». Зеленый вокзал проплыл за окном, и спустя минуту в дверь постучали.

— Разрешите... — вслед за проводницей в купе вошла крупная блондинка лет сорока. Всклоченные волосы дыбились над ее узким лбом, платье имело безбрежный вырез на груди. Из-за проводницы Монгол видел только половину ее лица. Прочерченная бровь капризной дугой уходила через висок за ухо. Круглый выпуклый глаз заинтересованно глядел на него.

— Я, конечно, понимаю, что обещала, но мне совершенно некуда определить пассажирку. В вагоне осталось только одно свободное место — в вашем купе, — проводница на ходу прикидывала, стоит ли возвращать деньги, которые дал Монгол, чтобы к нему никого не подсаляли.

— Но мы же договорились...

— А мне что прикажете делать? Куда девать пассажирку, у которой билет на руках?! — она окончательно решила оставить деньги себе.

— Вряд ли дама захочет ехать в купе с мужчиной...

— Отчего же, — пассажирка оттеснила проводницу плечом, и та отступила в коридор. — Вы же не тронете одинокую беззащитную женщину?

Дверь закрылась.

— Меня Аленой зовут. А вас как?

— Дмитрий, — Монгол назвал первое попавшееся имя.

— Диму-у-уля. Вы до какой станции едете?

— А вы?

— До Красноярска.

— Понятно.

Женщина расстегнула сумку, и на ковровую дорожку шлепнулись отороченные розовым пухом тапочки. Вслед за ними на свет было извлечено нечто ядовито-розовое, напоминавшее гофрированную балетную пачку.

У Монгола похолодела спина: это был пеньюар. Он лег на свое место, замер и сделал вид, что заснул. Окликнув его пару раз, Алена замолчала, но спустя полчаса до него долетел запах духов.

Пытаясь отвлечься, Монгол вспомнил вчерашний день, когда изменились все планы, и ему пришлось предпринять стремительный марш-бросок. Еще по дороге из Домодедова он понял: добром дело не кончится. Впрочем, выбора у него не было.

С Крестовским они встретились уже на перроне, под проливным дождем.

— Ты ведешь нечестную игру, — начал Монгол.

— Ну, извини... Он, — Крестовский поднял руку, указывая на небо, — меня не спросил, какую погоду на сегодня заказывать.

— Я не о том.

— Знаю, мы договорились, но это в последний раз.

— Последним был прошлый, — Монгол начинал заводиться.

Крестовский широко улыбнулся и, перекрикивая шум ветра, спросил:

— Что-то я не пойму. Тебе не нужны деньги? Делов-то на три копейки.

— Ты сам знаешь, о чем я. Мы не договаривались, что будет еще одно поручение.

— Короче, ты должен ее найти и забрать. Это главное. Второе поручение — мелочь, о которой не хочется говорить. Теперь — дуй в вагон. Связь по мобильному. Я пошел...

— Стой!

Крестовский замер:

— Ну что еще?

— Это — в последний раз, — негромко и членораздельно произнес Монгол.

Сквозь чудовищный ветер и шум дождя Крестовский расслышал каждое слово.

— А я о чем? Конечно, в последний, — заверил он.

И потом, уже шагая по перрону к вокзалу, мрачно добавил:

— Для тебя — точно.

Обернувшись, Монгол наткнулся на выжидающий взгляд соседки.

— Димуля, не поможете забросить сумку наверх?

Он встал и обеими руками схватился за сумку. Алена плотно припала к нему бюстом.

— Простите, — Монгол закинул поклажу и вышел в коридор.

Минут через пять Алена появилась в дверях с бутылкой вина.

— Диму-у-уля! Как насчет того, чтобы выпить?

— Не пью.

— Так уж не пьете?

— Нет, — уставившись в окно, он снова вернулся к своим мыслям.

Вчерашняя непогода запомнится навсегда. Она не предвещала ему удачи, и это тревожило. Монгол стоял под дождем у входа в тамбур, ожидая своей очереди. У соседнего вагона было особен-

но многолюдно, вспыхивали мигалки на крышах автомобилей. Монгол избегал смотреть туда, но все же не выдержал и взглянул.

Неподалеку стояла девушка, похожая на подростка. Рядом — мужчина с сумкой в руках. И как только Монгол увидел хрупкую девичью фигурку, его охватил приступ сладчайшей тоски. Он вспомнил ту единственную свою любовь, о которой старался не думать и которую сам себе приказал забыть. Привычным усилием воли он прогнал эти воспоминания.

Обтерев ладонью лицо, Монгол шагнул в вагон и сосредоточился на предстоящем деле.

— Черт бы его побрал...

— Что вы сказали? — женский голос вернул его к реальности.

Рядом остановилась проводница. — Чаю не желаете?

— Нет, — Монгол вернулся в купе.

— Мне кажется, вы меня боитесь, — проворковала Алена.

— С чего вы взяли?

— Я вас насквозь вижу.

— Короче... — он решил покончить с ненужными разговорами. — Не лезь ко мне. Отвяжись.

— Хам, — разочарованно обронила Алена и, тяжело поднявшись с места, ушла в коридор.

Призывный цвет ее пеньюара сработал как взрыв направленного действия. Через десять минут рядом обосновался разгоряченный кавказец. Он был вдвое меньше своей собеседницы, но это нисколько не ущемляло его мужского достоинства.

Еще через несколько минут Алена зашла в купе, порылась в сумочке и, прихватив бутылку вина, удалилась.

Монгол облегченно выдохнул, но в этот момент раздался телефонный звонок.

— Вы готовы?

— Да.

— Действуйте, как договорились.

Сквозь окно припекало горячее предвечернее солнце. Дайнека честно пыталась заснуть, но сон не шел. Колеса снова и снова выводили свой угрожающий рэп. Забывшись, она поймала себя на том, что мысленно вторит им:

*«Тревожный шепот, стекол дрожь,
Ничто не в силах заглушить
Колес пророческий бубнеж:
Убить... убить... убить... убить...»*

«С этим нужно что-то делать...» Дайнека встала и покосилась на Ирину — та спала. Отодвинув дверь, девушка вышла в коридор. Стоящий у окна охранник повернул голову и с интересом посмотрел в ее сторону.

— Здравствуйте, — произнесла она, сообразив, что караул сменился.

— Здравствуйте, — широко улыбнулся мужчина. Он был среднего роста, со светлыми волосами и невыразительным плоским лицом. — В Красноярск?

— Здесь все в Красноярск, — ответила Дайнека.

— Нравится мне ваш городок! Меня зовут Валентин.

— Людмила... Я там раньше когда-то жила.

— Занятно, — охранник скучал и явно хотел поболтать.

— Часто бываете в Красноярске?

— Теперь — часто. А в первый раз, по службе — давно.

— Ясно.

— Слышала про алюминиевую войну? — спросил Валентин.

— Читала. Мы тогда уже в Москве жили.

— Жуткое было время. Я тогда служил в подразделении...

В общем, служил. Помнится, вечером в общежитии с мужиками пиво пьем (я еще не был женат), вдруг — приказ: в течение трех часов прибыть в полном боевом. Посадили нас в машины — и

прямоком в аэропорт. А там — на спецборт. В самолете хренова куча народу, все в камуфляже, два джипа посередине стоят. Обхохочешься... Четыре часа лету, и мы в Красноярске. Как там их местный аэропорт?

— Емельяново.

— Вот-вот. Из Емельянова нас сразу на место перебросили, к проходной Красноярского алюминиевого завода. Покатались мы вокруг завода изрядно. А там, — Валентин коротко хмыкнул, — не поверишь, по всему периметру пацаны стоят лет по двадцать. И все вооружены. Может, слышала, есть такой Воропай, красноярский авторитет?

— Слышала.

— Это были его ребята.

— А зачем вы туда прилетели?

— Кинуть его на бабки. Передел собственности. Видишь, какое дело: с одной стороны Москва, с другой — тридцатичетырехлетний парень, который успел отхватить свой кусок.

— Ничего не понимаю... Если вы были военным...

Валентин улыбнулся.

— Мы тогда дворцов Амина не брали. Работали исключительно под заказ, на самоокупаемости. Ну, ты понимаешь... В общем, подъехали к заводууправлению, поговорили с Воропаем и благополучно свалили в Москву.

— Почему?

— Потому что, если бы не уехали, встреча могла закончиться мясорубкой. И пули бы летали, как воробьи по помойкам.

— Ужас... А что было потом?

Валентин усмехнулся:

— Потом было еще интересней. Через несколько лет кошмар повторился: три часа, боевая готовность, спецборт. Только теперь внутри самолета не джипы, а микроавтобусы с темными стеклами. Куда летим, не сказали. Только по прибытии в Красноярск узнал, что приехали брать Воропая. Это губернатор

ваш тогдашний подсуетился, мешал, видать, ему Воропай. Да и на комбинат алюминиевый охотников не убавилось. Брали его в доме, на окраине города. Журналистов налетела хренова куча... Как узнали? Не ясно. Мы еще в самолетах в автобусы загрузились, потом — на скорости за «объектом». Он стал другим, повзрослел. Школы строил, церкви, больницы... Взяли его, засунули в микроавтобус. И — в Абакан, к брательнику красноярского губернатора. А выглядело все это так: впереди два наших микроавтобуса, за нами кортеж из журналистов, за ними — милиция. В Абакане нас прямо в автобусах в самолет, оттуда — сразу в Москву. Я наблюдал за Воропаем. Казалось, весь мир против него, а он молчит и улыбается. В самолете его ребята немного потолкали, дескать, что, крутой слишком? А он молчит... И улыбается. Я тогда подумал, что такого не сломишь. Его можно только убить. Потом поспрашивал у ребят. Говорят, пока он был в Красноярске, чеченцев там не было. По всей России правили бал, как в Москве. А в Красноярске Воропай их в Енисей загнал и подержал там немного. Сразу остыли.

Валентин заржал, но вдруг резко умолк и отшатнулся. Дверь шестого купе отъехала, оттуда вышли двое незнакомых мужчин. Один из них был плотный и невысокий, лет пятидесяти. Сквозь зачесанные набок волосы виднелась необъятная лысина. Он улыбнулся, обнажив крепкие плотоядные зубы. От других его отличала такая непомерная внутренняя сила, что с первого взгляда было ясно: это яркий, волевой и чрезвычайно опасный человек.

Второй — молодой, не старше тридцати — был очень хорош собой и высок. Ухоженное лицо и стильная стрижка выдавали его с головой — это был завсегдатай дорогих салонов красоты.

Вслед за ними из купе вышел Шепетов. Продолжая разговор, он остановился в дверях:

— С этим мы определимся на месте. Мне плевать как, но вы должны это сделать...

Увидев Дайнеку, он замолчал. Двое других скрылись за дверью купе номер восемь. Виктор спросил у Дайнеки:

— Ирина передала приглашение на обед? Надеюсь, вы не откажетесь?

— Судя по времени, обед больше смахивает на ужин, — заметила она.

— Каюсь, слукавил. Согласитесь, слово «обед» звучит благородней.

— Это вы точно подметили.

Умирая от любопытства и понимая, что не должна этого делать, Дайнека все же спросила:

— Кто те двое, с кем вы только что разговаривали?

Шепетов взглянул на нее удивленно, потом заговорил медленно, делая нарочито долгие паузы:

— Все вам расскажи да выложи! А может быть, вы шпионка подосланная. Очаруете, заморочите и отра-а-а-вите, — закончил он страшным голосом.

— Что такое вы говорите... Мне и дела-то до вас нет, — дрожащим голосом прошептала Дайнека.

— Откуда мне знать? — заговорщицки проговорил Виктор.

Наконец она догадалась, что он попросту над ней посмеивается. А уж как мастерски он ушел от ответа! Скорее от обиды, чем из желания получить информацию, она твердо посмотрела ему в глаза:

— Ну, если это страшная тайна, можете не рассказывать.

Шепетов озадаченно отшатнулся:

— О-о-о, да вам палец в рот не клади! Ну что ж, извольте: это руководители службы информационной поддержки. Пиар. Знакомо вам это слово?

Дайнека молча кивнула. Тем временем по коридору к ним направился мужчина, которого она еще ни разу не видела.

— Где вас носило? Отвечайте! — металлическим голосом спросил у него Шепетов.

Мужчина замер, было видно, что ему крайне неловко. Превозмогая себя, он улыбнулся и, указав рукой в сторону девятого купе, сказал:

— К ребятам ходил...

Дайнека незаметно вернулась в купе.

«*Странные отношения, какая-то патологическая зависимость*», — отметила она про себя. Было очевидно: только что она имела честь лицеизреть прихлебателя Казачкова, ничтожнейшего, по определению Ирины, человека.

Дайнека чувствовала, что Шепетов еще в коридоре, и была уверена, что он смотрит ей вслед. И Шепетов действительно смотрел, испытывая непонятное сожаление от того, что она ушла.

— По-моему, ты ему нравишься, — Ирина проснулась и сидела, поджав под себя ноги.

— Кому?

— Шепетову, ты ведь с ним сейчас разговаривала?

— Теперь я поняла, что ты имела в виду, когда говорила про Казачкова, — Дайнека решила уйти от ответа. — Я не спутала, его фамилия Казачков?

— Ты о шепетовской шестерке? А где ты его видела? — Ирина помрачнела. — Прости за глупый вопрос — конечно же, в коридоре.

— Почему он такое терпит?

— Не хочу о нем говорить.

Дайнека попыталась сменить тему:

— Я там одну парочку видела...

— Это еще кого?

— Едут в восьмом купе. У того, что постарше, такой провоцирующий взгляд, что прямо бросает в дрожь. Он та-а-а-ак на меня посмотрел... Почему?

— Нужно хорошо знать Кринберга, чтобы понимать — почему. У него повышенная подвижность, как у сперматозоида. Тот, что моложе, — Петя Круглов.